Двенадцатый жесткий

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE
IT

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей
Двенадцатый жесткий

Алексей Николаевич Кулаковский
Двенадцатый жесткий
Рассказ
Перевод с белорусского Владимира Жиженко.

Мало-помалу все стало настраиваться на обычный дорожный лад. Проводница забросила на верхнюю полку свой желтый флажок, с которым недавно стояла на перроне, и принялась ходить по вагону, собирать плацкартные билеты. Старательно размещалась в своем купе одна уже немолодая пара, на которую все обратили внимание, потому что она ввалилась в вагон с четырьмя чемоданами невероятной величины и здоровенным куцехвостым бульдогом.

В соседнем купе на крючке уже висел длинный, военного покроя плащ с капюшоном и возле него стоял, приглаживая мягкие, с желтоватым отливом волосы, стройный лейтенант. На нижней полке, между двумя узлами, сидела девочка того возраста, когда ничего не стоит дотянуться пяткой до рта. Ее мать, совсем еще молодая женщина с прямыми светло-русыми волосами, заплетенными в две косы, возилась с узлами - что-то поправляла, что-то перекладывала с одного места на другое.

Лейтенант услышал, что в том купе, где вместе с немолодой парой ехал бульдог, разгорается не очень мирная беседа. Он улыбнулся, будто обрадовавшись случаю увидеть что-то забавное, и быстро вышел в коридор. Собака настороженно лежала на нижней полке и встретила лейтенанта такими ласковыми и доверчивыми глазами, что у того сразу пропала неприязнь к ней. Смешны были ее хозяева. Перебивая друг друга, они втолковывали своему соседу, тоже лейтенанту, что собака имеет полное право ехать в купе, потому что на нее куплен билет. Лейтенант-сосед позвал проводницу. Та подошла, безразлично глянула на собаку и, не говоря ни слова, двинулась дальше.

- Так как же? - почти в один голос спросили оба лейтенанта.

- Имеет право, - невозмутимо ответила проводница.

- Значит, пассажир?

Проводница кивнула головой.

А четвероногий пассажир, будто смекнув, что спор вокруг его особы уже закончен, свободней улегся на полке, широко зевнул и добродушно свесил язык.

- Он ведь у нас о-очень споко-о-ойный, - напевно заговорила

хозяйка собаки и, протянув голую до плеча руку, унизанную какими-то обручиками, погладила собачий хвост. - Тюльпан никогда никого не трогает, даже не лает никогда.

- Так это, может, и не собака? - спросил лейтенант, сосед по купе.

- Ну что вы! Собака, конечно, - ответила женщина, - только это такая собака, каких мало. Мы за нее, когда она еще щеночком была, пятьсот рублей заплатили.

- И все-таки я не хочу ехать рядом с ней, - сказал лейтенант и встал.

- Так знаете что, - обратился к нему второй лейтенант, - в моем купе есть свободное место. Переходите к нам.

Спросили согласия проводницы, она издали снова молча кивнула головой.

Когда были перенесены вещи, лейтенанты познакомились.

- Володя, - сказал тот, что пригласил к себе соседа.

- Ермолов, - ответил сосед.

Они пожали друг другу руки, и Володя полусерьезно заметил:

- А вам повезло с фамилией... Не то что у меня - Мох. Помнится, адмирал какой-то был - тоже Ермолов.

- Не адмирал, а генерал, - поправил лейтенант.

- Так я ж и говорю: был кто-то... А это - моя спутница жизни, - показал Володя на молодую женщину. - Зина. А это - дочка.

Ермолов присел на полку, наклонился к девочке и протянул ей руку:

- Ну, давай познакомимся, красавица.

Девочка засмеялась, широко открывая свой еще совсем беззубый ротик, и так смешно сморщила нос с немного синеватой переносицей, что, казалось, она сама хотела позабавить незнакомого дядю.

- Как же тебя зовут, красавица?

Девочка взмахнула худенькими ручками и потянулась к маме.

- Скажи, Людочка, как тебя зовут, - попросила мама. - Не умеешь? Не умеем, скажи, совсем мы еще говорить не умеем. Нам всего еще девять месяцев.

- Ну, теперь-то мы уже знаем, как тебя зовут, - улыбаясь сказал лейтенант. - Познакомились. А вот это тебе нравится? - Он достал из какого-то своего свертка конфету. - Видишь, мишка тут нарисован. Медведь.

Мать взяла девочку на руки, прижала к себе и счастливо улыбнулась. Лейтенант заметил, что у нее тоже чуть-чуть сморщилась переносица, но только это и было детское в ее улыбке - очень своеобразной, приметной. Доброе открытое лицо

стало сначала веселым, почти торжественным, а потом как-то вдруг помрачнело, словно на него набежала тень. Женщина, видно, хотела поднять на соседа глаза, чтобы ответить на его слова, но почему-то не решилась.

- В карты играете? - спросил Володя.

- Нет, - ответил Ермолов. - Раньше пробовал в дурака, а теперь и это забыл. Как сяду с кем-нибудь играть, так обязательно дураком себя чувствую.

- Мы вас научим, - принялся уговаривать Володя. - Стоит раз-другой перекинуться - и все.

- Нет-нет, - возразил Ермолов. - Не люблю я карт.

- Жаль, - натянуто улыбнулся Володя. - Ну что ж, пойду искать партнеров. Колода у меня с собой.

Он подошел к соседнему купе. Дверь была по-прежнему открыта. Женщина с яркими обручиками на руке кормила из алюминиевой миски собаку, а ее спутник, по-видимому, муж, старательно вылизывал банку из-под какого-то джема.

- Прошу прощения, - обратился к ним лейтенант. - Вы в карты играете?

Женщина подарила ему долгий, полный доверия взгляд и очень охотно заговорила:

- А кто же это в дороге в карты не играет? Конечно, играем. У нас и карты где-то есть. Дима, у тебя эта новая колода?

- У меня старая, - ответил Дима, облизывая толстые губы. - А новая где-то у тебя.

- Так сыграем? - удовлетворенно спросил лейтенант.

- Конечно, конечно! - заторопилась женщина, придвигая собаке миску. Вот только четвертого партнера у нас нет.

- А этот? - показал Володя на собаку и громко рассмеялся, довольный остротой.

Мать тем временем забавляла в своем купе Людочку. Она показала ей большой лысый каштан. "Смотри, Людочка, мячик". Девочка потянулась ручонками к каштану и, завладев им, поспешила направить в рот.

- Нельзя так, Людочка. - Мать снова взяла девочку на руки и вышла с ней в коридор.

- Володя! - позвала она, услышав голос мужа в соседнем купе. - Иди подержи минутку ребенка. Я ей постелю.

- Сейчас! - ответил Володя.

Она постояла несколько минут у окна и вернулась в купе.

- Давайте я подержу, - предложил Ермолов. - Иди, Людочка, ко мне.

- Ой, что вы? - удивилась мать. - Он сейчас придет. Очень любит в карты играть. Дома так чуть не каждый вечер. Как пойдет

к этим своим партнерам, так мы с Людочкой уже и выспаться успеем, а его все нет.

Володя не пришел в свое купе. Зина принялась развязывать узлы одна, и, чтобы не стеснять ее, Ермолов вышел в коридор. За окном уплывал в сизую даль осенний лес. Смесь желтого с зеленым давала какой-то непривычный глазу темно-серый цвет. Эта однообразная полоса время от времени перебивалась голубыми, хоть и не совсем ясными, просветами. Из соседнего купе доносилось азартное шлепанье карт, возбужденные голоса да изредка свист. А между этими голосами и свистом Ермолов слышал монотонные, как в дремоте, слова женщины:

- Какая-а там погодка-а... будет теперь в Крыму? Весной в Цхалтубо хорошая-а погода. Погрелись. Летом в Риге-э... Куда ты, Дима, короля суешь? В Риге тепло-о было.

Лес за окном кончился, начали попадаться строения, столбы высоковольтных передач. Железнодорожное полотно сначала раздвоилось, потом из-под колес вынырнули и третья и четвертая линии, - поезд стал сбавлять ход.

На остановке Володя вышел в коридор, заглянул в свое купе. Людочка спала, недовольно надув губки, а мать лежала рядом и тоже, видимо, дремала.

- Уснули мои, - сказал Володя, подходя к Ермолову. - Целую ночь укладывались - беда просто с ними. Сидели бы дома!

- А куда вы едете? - спросил Ермолов.

- Домой еду, к своим. У меня отпуск на тридцать три дня.

На перроне появился Тюльпан в сопровождении своей хозяйки. Следом шел Дима. Хозяйка была в длинном, до пят, теплом халате, Дима - в пальто поверх пижамы. Тюльпан так высоко держал свой тупой, задранный кверху нос и выступал так смело и решительно, что все расступались перед ним. Хозяевам это, должно быть, нравилось. Женщина с независимым и немного вызывающим видом все время что-то говорила собаке, а Дима, сложив толстые губы трубкой, многозначительно посвистывал.

Ермолов невольно усмехнулся. Зрелище и вообще-то было забавное, но ему бросилось в глаза другое, о чем неудобно было и говорить: бульдог в эту минуту чем-то неуловимо напоминал своего хозяина.

- Хор-рошая собака! - любуясь, сказал Володя. - Жаль, Людка спит: показал бы ей тютю.

Пассажиры взад-вперед сновали по коридору, дверь в купе, где спали Зина с Людочкой, была открыта. Ермолов повернулся, тихо прикрыл дверь и снова встал рядом с Володей.

- Тихие они у вас, спокойные, - сказал он лейтенанту, уже без тени улыбки глядя в окно.

- Кто?

- Я про ваших говорю...

- А... Они? - Лейтенант глянул на закрытую дверь. - Они спокойные, им что! Беспокоиться особенно нечего. У меня у одного за все голова болит.

- Давно вы вместе?

- Где там давно! Она из десятилетки, а я прямо из училища. Встретились случайно на вокзале... А вы не женаты?

- Нет, не женат.

- Ну и правильно! Молодец!

Ермолов удивленно вскинул на лейтенанта глаза.

- Что вы так смотрите? - продолжал Володя. - Молодец, говорю. Я вам завидую. Только дураки с этим торопятся.

На станции послышался звонок дежурного. Пассажиры на перроне забеспокоились, стали разбегаться по вагонам. Ермолов заметил, как встревоженно подбирала халат и на ходу опережала собаку Володина партнерша по картам, как следом надувал губы Дима, нагруженный жареными цыплятами, яблоками, бутылками с лимонадом. Не прошло и минуты, как эта колоритная троица с сопением протиснулась по коридору. Володя пошел в их купе, и игра в карты возобновилась.

Ермолов остался у окна. Какое-то двойственное чувство появилось у него после этого короткого разговора с Володей. С одной стороны, стоит уважать человека за такую непосредственность и доверчивость, а с другой - хочешь не хочешь, а подумаешь, что это не та непосредственность и не та доверчивость. Из соседнего купе слышалось Володино посвистывание, а Ермолову казалось, что коллега стоит рядом, высокий, подтянутый, с красивыми, живыми глазами. Стоит и, не переставая, что-то говорит про свою жену. Никто уже не просит его об этом, и слушать уже становится неприятно, а он все говорит, говорит... А Зина спит в это время и ничего не слышит. Ей, наверное, снятся хорошие сны, может быть, та первая встреча на вокзале, потом - первая, светлая любовь... А может, она уже не спит?

Ермолов осторожно берется за дверную ручку, заглядывает в узенькую щелку. Так и есть, не спит.

- Входите, входите! - говорит Зина. - Что же вы все время стоите в коридоре?

И Ермолов входит в купе, смущенно опустив глаза, садится у столика. Ему неприятно, что он заговорил с Володей о таких вещах, о которых можно было и не говорить. Может быть, Зина и тогда не спала и все слышала. Не так стыдно за свои вопросы, как за Володины ответы.

- Я поспала немножко. - Зина благодарно улыбается, но смотрит не на Ермолова, а в окно. - Вернее сказать, не поспала, а вздремнула.

- Станцию одну недавно проехали, остановка была. Не слышали?

Ермолов заметил, как у Зины вздрогнули ресницы, когда она хотела было взглянуть на него.

- Не слышала я, - тихо ответила женщина, не отрывая глаз от окна.

А Ермолов теперь уже не сомневался, что она все слышала, потому что, конечно же, не спала. Больше он не мог сказать ни слова. Неловкое молчание длилось несколько минут: Зина тоже, должно быть, не знала, о чем говорить...

Наконец она медленно подняла глаза на Ермолова и спросила:

- Вы в Минске живете?

- В Минске, - ответил Ермолов.

- А мы теперь далековато от Минска. Грустно иной раз... До того домой хочется... Не слыхали: хор Шиловича дома сейчас или куда-нибудь на гастроли выехал?

- В Минске Макар Иванович, в Минске, - уверенно ответил Ермолов. - Что, нравится вам этот хор?

Зина тяжело вздохнула и снова отвела глаза.

- Я пела в этом хоре, - тихо сказала она.

Ермолов удивился и сам не заметил, как его восхищенный взгляд начал ловить Зинины глаза, чтобы хоть что-нибудь сказать, что-нибудь выразить. Слов в этот момент не находилось. Краем глаза, запрятанного под густыми неспокойными ресницами, Зина видела это удивление, и ей становилось неприятно. "Чему это он удивляется? Неужели я так не похожа на певицу или петь в хоре очень уж сложное, мало кому доступное дело?" Потом заметила, что это - доброе, дружеское удивление и взгляд у человека - открытый, доверчивый. В глазах у Ермолова не было той едва заметной, но такой колючей насмешки, какую Зина часто видела у Володи, когда речь заходила о хоре, о ее голосе. Видно было, что с этим человеком свободно можно говорить про музыку, про искусство, не нужно бояться, что он посмеется над тобой или унизит холодным, безразличным взглядом.

- Больше двух лет я пела в этом хоре, - начала рассказывать Зина. В ее глазах светилась затаенная, но настойчивая просьба и выслушать и понять ее. - Пела и училась в вечерней десятилетке. Во многих хоровых номерах я запевала. Когда Макар Иванович узнал, что я собираюсь оставить хор, вызвал к себе, уговаривал,

просил повременить хоть несколько месяцев, пока он найдет замену. Не послушалась я Макара Ивановича, а теперь мне стыдно даже встретиться с ним, даже в глаза взглянуть.

- А почему вы не послушались? - спросил Ермолов. - Извините, если этот вопрос некстати и я, может быть, немного нескромно вмешиваюсь в ваши дела.

- А что ж тут нескромного? - просто сказала женщина. - Я часто и сама себе этот вопрос задаю. Ушла из хора потому, что... Как вам сказать?.. Встретились мы с Володей, а он ведь не в Минске. Я не могла не поехать с ним...

- Если у вас есть голос и вы любите музыку... - начал Ермолов и замолк: заворочалась во сне и замахала ручками Люда.

- Был у меня голос, - переходя почти на шепот, продолжала Зина. - Люди говорили, да и сама я чувствовала, когда выходила на сцену. Это по глазам сразу можно заметить, когда на тебя из зала смотрят. А теперь, конечно, уже нет того, что было.

- Там ведь у вас, наверно, есть хоровые кружки, - заметил Ермолов, самодеятельность. А то вы могли бы и одна выступать в концертах.

- Выступила однажды, - успокоив Людочку, сказала Зина. - Выступила, так Володя три дня прохода не давал. Не любит он у меня музыки и сам никогда не поет. - Зина смущенно засмеялась. - Только свищет все время, да и то не разберешь что. Я другой раз попробую дома спеть что-нибудь, так он сразу или свистеть начинает, или радио включит. Смешной он у меня...

Людочка снова замахала ручками, и на этот раз матери уже не удалось уложить ее. Девочка встала и сразу заулыбалась, морща слегка вспотевший носик.

- Веселая, - тепло заметил Ермолов.

Мать взяла девочку к себе.

- Почти никогда не плачет, - радостно сказала она. - Только иногда ночью, да если сильно есть захочет.

И Людочка вдруг заплакала.

Мать сначала засмеялась от неожиданности, а потом на лице ее появилось беспокойство, синевато-серые усталые глаза с тревогой уставились на девочку.

- Чего ты, Людочка, чего ты хочешь? Это она голодная, - с упреком самой себе и будто жалуясь на кого-то, сказала женщина. - Молочка хочет. Хочешь, Людочка, молока?

Держа девочку одной рукой, мать развязала узел, достала оттуда бутылку молока. Девочка протянула к бутылке руки и перестала плакать.

- Сейчас мы нальем тебе в чашечку, - радовалась вместе с ребенком мать. - Где же это наша чашечка?

Зина еще раз поворошила одной рукой узел, достала оттуда фарфоровую чашечку с отбитым ушком, открыла бутылку... Но молоко не полилось. У матери пробежала по лицу тень испуга.

- Неужто скисло? А ведь хорошо кипело.

- Тепло в купе, - сочувственно заметил Ермолов.

Зина встряхнула бутылку, посмотрела для чего-то на бумажную пробку и, крепче прижимая к груди девочку, выбежала в коридор.

- Володя! Володя! - встревоженно позвала она. - Быстрей иди на минуточку сюда!

Лейтенант вышел и недовольно посмотрел на жену.

- Чего ты кричишь?

- Молоко в бутылке скисло, - чуть не со слезами прошептала Зина. - Что будем давать Людочке? Грудь она, ты ведь знаешь, днем не берет, а больше у нас ничего нет.

- Давай кислое! - громко и беззаботно сказал лейтенант. - Вот проблема! Кислое еще лучше!

- Для тебя лучше, - немного успокоившись, сказала Зина. - А для нее?..

- Ничего, ничего! - Володя беспечно тряхнул головой и вернулся в соседнее купе.

- У нас есть молоко-о, - певучим голосом сказала ему партнерша по картам. При этом она виновато глянула на Тюльпана. - Мы можем дать, если нужно.

- Спасибо, не нужно, - сказал Володя, понимая, для кого тут везут молоко. - Ваш ход. Давайте!

Зина стала кормить Людочку кислым молоком, а Ермолов не знал, что поделать с самим собою. Он не мог поднять головы, не мог глянуть на девочку. У него вдруг начало глухо щемить под ложечкой, а во рту сделалось так противно, словно он сам глотал это прокисшее молоко.

На следующей станции Ермолов, пожалуй, самым первым выскочил на перрон. Поскольку женщина с обручиками тоже собиралась выходить, Володя решил пойти вместе подышать свежим воздухом. По дороге он заглянул в свое купе, чтобы взять фуражку.

- Купи что-нибудь Людочке, - попросила его Зина.

Пока поезд стоял, она через окно показывала Людочке, какие большие яблоки были у теток, которые сновали туда-сюда по перрону, какие желтые груши. А когда залязгали буфера и тетки с корзинами как-то по-особенному засуетились, Зина с дочерью начали глядеть в конец коридора, где вот-вот должен был появиться папа. Но прошли уже многие, вернулись и сразу же заперлись в своем купе соседи с собакой, а Володи все не было.

Пришел Ермолов, ласково улыбнулся Людочке.

- Вы Володю не видели? - обратилась к нему Зина.

- Нет, не встречал, - ответил Ермолов. - Да вы не беспокойтесь, он, наверно, в другой вагон сел.

Но как тут не беспокоиться? Прошла минута, другая, поезд уже набрал большую скорость, а человека все нет и нет.

Ермолов видел, что Зина побледнела, она то и дело пересаживала девочку с одной руки на другую, не могла ни сидеть, ни стоять на месте. И девочке, видно, как-то передалась тревога матери: она оглядывалась по сторонам, возбужденно махала ручонками.

Прошла по коридору проводница с ведром и щеткой в руках. Зина остановила ее: "Что делать, муж остался на станции?" Проводница долго молча глядела в ведро, будто там хотела найти какой-то ответ, а потом равнодушно спросила:

- Военный ваш муж?

- Военный.

- Не пропадет. Он там где-нибудь, - и показала щеткой в конец коридора.

Это, по-видимому, означало, что человек где-то в хвосте состава. Зина так и поняла, но успокоиться не смогла. С отчаянием и молчаливой просьбой она посмотрела на Ермолова. Тот решительно встал, надел фуражку, но как раз в это время в коридоре послышался безладный переливистый свист. Зина, обрадовавшись, бросилась туда и спустя минуту вернулась в купе вместе с Володей.

- Напугал ты нас, - прильнув к груди мужа и с бесконечной преданностью глядя ему в глаза, говорила женщина. - Что б мы тут делали без тебя? Сядь, Володенька, отдохни. Ты, наверное, догонял поезд?

Ермолову как-то не по себе стало, когда он увидел, как искренне любит Зина своего мужа. Внутри появилось что-то похожее не то на зависть, не то на досаду, - он сам толком не мог разобраться.

- Я в буфет забежал, - начал рассказывать свои приключения Володя, все время посматривая на Ермолова. - Забежал, а там - очередь. Постоял немного, гляжу - поезд наш поплыл за окном. Я сказал буфетчице пару горяченьких и бегом. Еле-еле последний вагон догнал.

- Купил что-нибудь Людочке? - несмело, моргая длинными густыми ресницами, спросила Зина.

- Ну и умница! - грубо ответил Володя. - Еще спрашивает. Я же говорю, что перед самым звонком в буфет забежал. А до этого не мог. - Лейтенант засмеялся и шагнул к Ермолову. - Понимаете,

этот самый Тюльпан, из соседнего купе, вдруг как подпрыгнет на перроне, да как рванет поводок! И вырвался. Я за ним, а он - ходу. Черт его знает, что ему в голову пришло. Минут десять угробил, пока поймал лешего.

- А хозяин что? - хмуро спросил Ермолов.

- Куда ему! - насмешливо махнул рукой Володя. - С его-то прытью собака была бы уже, наверно, в Минске. Не хочет Тюльпан ехать на курорт. Давай будем обедать! - обратился лейтенант к жене. - Есть хочется!

Зина торопливо принялась одной рукой развязывать узлы.

- На подержи немножко Людочку, - неуверенно произнесла она, а синевато-серые покорные глаза просили, чтоб он хоть на этот раз не унижал ее перед чужим человеком, чтоб хоть для приличия взял на руки девочку. Ермолову просто больно было видеть эти глаза.

- Посади ее! - сухо, тоном приказа сказал Володя.

Пока Зина собирала нехитрый дорожный обед, Людочка собственными усилиями отыскала на полке свой лысый каштан и начала обеими руками поднимать его выше носа и опускать вниз. Время от времени каштан оказывался возле самого рта девочки и скоро со всех сторон стал мокрым.

Ермолов достал из кармана погремушку, протянул девочке.

- Возьми, Людочка. Смотри, какая красивая!

- У нее дома есть такая, - заметил Володя.

А Зина почему-то растерялась в эту минуту, не знала, что сказать. И только когда Людочка уже прочно завладела новой игрушкой и, размахивая ручками, начала заливаться счастливым смехом, мать села ближе к девочке, смущенно посмотрела на Ермолова и сказала:

- Зачем вы беспокоились? Право, не нужно было.

Тогда Ермолов достал из другого кармана бутылку сливок.

- Мне кажется, это можно было бы дать девочке, - тихо сказал он.

Зина испуганно взглянула на мужа: "Что вы, что вы!.. Не нужно!.."

Володя тем временем придирчиво осматривал приготовленную закуску и тоже вынимал из кармана бутылку, только не со сливками. Зина покраснела и опустила глаза.

- Спасибо вам, - глубоко вздохнув, сказала она Ермолову.

- Я думаю, - говорил в это время Володя, - я думаю, что мы с коллегой... - Он оглянулся и увидел в руках у Зины сливки. - Где взяла? Ага. Вы купили? - Он криво улыбнулся соседу. - Ну ладно. Так я думаю, что мы с вами примем перед обедом по служебной. А? Едва успел схватить в буфете. Достань, Зина, стаканы.

- Я не пью, - сказал Ермолов, поглядывая на столик, - разве уж только за компанию. - Он невольно повернулся к хозяйке.

- Садитесь с нами! - пригласила Зина, и Ермолов услышал в ее голосе благодарность и будто бы надежду на что-то хорошее. Он подумал, что Зина боится оставлять своего мужа одного с бутылкой, поэтому, поблагодарив хозяйку, полез доставать с верхней полки свой чемодан.

После первой стопки Володя стал очень уж разговорчивым и оживленным. Каждое слово, каждый жест, удачны они были или нет, рождались у него с удивительной легкостью. Видно было, что выпивка для этого человека - дело привычное и что тут он умеет показать себя.

- Жена моя не пьет, - уже в который раз повторял он Ермолову. - Совсем не пьет. Так что вы ее и не просите. Артистка - и не пьет. Странно? Правда, она только была артисткой. Ну и слава богу. Я сказал так: или жена или артистка! Правильно я сказал, товарищ Ермолов, адмирал?

"Адмирал" добродушно улыбнулся и хотел что-то сказать Володе, но Зина так посмотрела на него, что он не решился вступать в разговор. Зина и сама все время молчала, да почти и не слушала, о чем говорит муж. Она усердно кормила свежими сливками Людочку. Скажи Володе одно слово, он тебе двадцать. Скажи ему ласково, он ответит грубо и резко. Это, видно, хорошо понимала Зина, потому и сама молчала, и просила Ермолова, чтобы он не возражал. Если не раззадоривать этого человека, не подливать масла в огонь, то он поговорит, потом посвистит немного да и завалится спать. А возьмись с ним спорить - всю ночь проговорит.

Прикончив водку и назвав Ермолова еще раз десять то адмиралом, то генералом, Володя и правда вскоре полез в сапогах на верхнюю полку и, как только голова его коснулась подушки, сразу захрапел. Зина принялась убирать со стола, а Ермолов вышел, чтобы не мешать ей. Вернувшись, он заметил, что Володя лежал уже разутым - огромные ступни с широкими пятками свисали пальцами вниз с полки. Это, конечно, она разула его. Ермолов представил себе, как для этого она, должно быть, подставляла лестничку, как торопилась, чтобы успеть до его прихода. И ему стало жалко женщину. Наверно, не первый раз она разувала своего мужа...

Людочка сидела на полке одна и забавлялась новой игрушкой. Погремушка гремела у нее в руках и немного заглушала храп Володи. Зина сначала как будто не решалась взглянуть на Ермолова: она что-то очень долго шарила в узлах, потом взялась вытирать мокрой бумагой стол, собирать крошки

хлеба на том месте, где сидел Володя. И только когда рядом с ней упала, будто разорвалась, погремушка, женщина с улыбкой глянула сначала на девочку, а потом на Ермолова.

- Понравилась ей игрушка, - негромко сказала она. - Старую свою уже забросила куда-то.

Мать погремела игрушкой, села возле девочки и, когда та снова увлеклась своим делом, продолжала:

- Бывало, у нас в хоре... Часто, очень часто я вспоминаю наш хор. Голос женщины звучал глухо, с перерывами, глаза то начинали искриться веселой радостью, то потухали и прикрывались чуть-чуть влажными ресницами. Была у нас там замужняя одна, тоже солистка. Подруга моя. Девочка у нее была. Вот как моя Людочка. Бывало, соберемся в воскресенье у этой моей подружки... Человек десять... И каждая принесет какую-нибудь игрушку девочке. Как сложим все вместе - целая гора игрушек. Девочка радуется, к каждой из нас на руки идет, а мать еще больше радуется. Потом муж ее берет аккордеон... Рабочий он был, простой человек, а как любил музыку! Аккомпанирует нам, а мы поем, разучиваем что-нибудь новое. Девочка всегда слушает, глазом не моргнет...

- И Людочка, я думаю, любит слушать, как мама поет, - тихо заметил Ермолов. - Дети вообще любят песни.

- Я теперь не пою, - печально сказала женщина.

- А мы с Людочкой попросим, чтобы вы спели нам что-нибудь. Мы тоже очень любим песни. Правда, Людочка?

Девочка зашуршала игрушкой.

- У меня уже, наверно, и голоса нет, - сказала Зина. - Мне только часто во сне снится, что я пою...

Выспавшись, Володя снова пошел играть в карты, а Ермолов долго стоял в коридоре, слушал хриплое радио, разговоры и песни тех пассажиров, что не очень любили путешествовать в трезвом виде, невольно поглядывал в темное окно и видел там свой лоб, конечно, более бледный, чем в зеркале, почти совсем гладкий. Проводил рукой по лбу - и чувствовал на нем морщинки, не глубокие еще, но частые. И все лицо в окне выглядело слишком моложавым. Становилось грустно. На минуту Ермолову показалось, что он может позавидовать Володе. Тот не грустит в дороге, да он, пожалуй, и нигде не грустит. И сейчас из купе доносились его веселые возгласы и неприятный свист.

Ермолов забрался на верхнюю полку, лег и закрыл глаза. Он пробовал заснуть, но сон почему-то не приходил. В открытую дверь купе время от времени прилетал далекий от какой-либо мелодичности свист. И каждый раз при этом Зина приподнимала голову, нервно озиралась и накрывала Людочку. Девочка спала

плохо, все время ворочалась, стаскивала с себя простыню. А мать, видно, и вовсе не могла уснуть. Это невольно беспокоило Ермолова. Женщина уже вторую ночь не спит. Собиралась в дорогу, тоже не спала. Сам Володя говорил. Да разве только эти ночи были у нее бессонными? Представилось, что каждую ночь Зина спит вот так, как сейчас.

На рассвете проводница тихо постучала в дверь. Ермолов услышал стук сразу, потому что спал он некрепко, как будто только дремал. С тревогой заметил он, что и Зина услышала этот стук: она едва заметно пошевелила рукой, которой обнимала Людочку. Ребенок, видно, только недавно уснул. Ночью Людочка плакала. Может быть, от духоты, а может, и животик у малышки болел. Ермолов долго слышал этот плач, ему было больно от этого, а потом сон все же сморил его - на какое-то время все отошло в сторону. Потом снова проснулся, потому что пришел Володя и включил свет.

- Пятьдесят дураков им дал! - сказал он Зине, когда та приподнялась на постели. Сказал и полез на верхнюю полку.

Ермолову нужно было скоро сходить, потому проводница и подала ему сигнал. Он начал тихо и осторожно собираться, чтобы кого-нибудь не разбудить. Обулся, достал чемодан. Но только взялся за ручку двери, как Зина неожиданно вскочила.

- Вы уже сходите? - поправляя волосы, прошептала она.

- Я разбудил вас? - обеспокоился Ермолов. - Извините, Зина. Мне и хотелось попрощаться с вами, и боялся перебить вам сон.

- А я почти не спала, - доверчиво заговорила женщина. - Что-то Людочке нездоровится. Только еще больше устала за ночь, и бок стал болеть. Отлежала. Все на одном боку лежу.

- А моя уже станция вот тут, близко, - как будто с сожалением сказал Ермолов. - Надо сходить. Будьте здоровеньки! А жалко, что мы с вами уже, наверно, никогда не увидимся... Но вы, Зиночка, должны петь. Пойте, обязательно пойте!

- Счастливо вам вернуться в Минск, - с трогательной теплотой прошептала Зина и подала Ермолову руку. - Очень прошу вас, если увидите там Макара Ивановича, передайте ему привет от меня. Моя девичья фамилия Вишневская.

- Хорошо, - пообещал Ермолов, - обязательно передам. Будьте здоровы!

На перроне он отошел немного в сторону, поставил чемодан и стал ждать отхода поезда. Узнал свое окно, хоть оно ничем не было приметно. Темноватое, неясное, как и все остальные. Приглядевшись, уже можно было различить белые занавески, но только приглядевшись. Вот бы хорошо было, если б эти занавески хоть чуть-чуть, хоть на один миг раздвинулись!.. Но что

поделаешь? Не шевельнулись занавески. Вскоре послышался короткий гудок и один за другим залязгали буфера. Проплыло окно перед глазами Ермолова, близкое, незабываемое окно, как в родной хате. Вслед проплыла белая надпись на сине-голубом, как это утреннее небо, фоне: "жесткий", потом номер двенадцать. Перед глазами стояла Зина в минуту прощания: ласковая, простая, немножко грустная. Про нее хотелось думать...

"Будет она еще петь или нет?" Этот вопрос не давал Ермолову покоя и тогда, когда он вышел из маленького стандартного вокзальчика и направился в военный городок.

1956